

Как ни было обидно, зато в телефоне сохранились его фотографии в гриме. Как только съемки закончатся, он сможет выложить их на своей странице в Вэйбо.

Успокоив душевную досаду, Лю Шу пролистывал содержимое страницы, задерживаясь взглядом на лицах главных героев. Их прически, макияж и костюмы выглядели пышно на фоне его собственного скромного облика.

Он вспомнил слова Чэнь Юйши: персонаж, которого он играет в сериале, кроме сцены, где он в ярком гриме, всегда носит вуаль. Обычно его прическу украшала лишь маленькая шпилька из нанму, напоминающая распускающийся цветок орхидеи, а на теле шпильки был выгравирован иероглиф «И».

Его взгляд задержался на фотографии Цинь И дольше всего. Лю Шу сверлил его глазами, в душе не раз ругая. Если бы не страх, что кто-то услышит, он бы уже разразился гневной тирадой.

Несмотря на претензии, Цинь И временами относился к нему неплохо. Вздохнув, Лю Шу подумал, как быстро этот человек меняет лицо.

«Больше никогда не останусь с тобой в одной комнате. Этот человек — ужас. Ни трогать его, ни злить. Если однажды я действительно сорвусь и накричу на него, его фанаты меня убьют». Хотя Лю Шу это и говорил, он не особо боялся фанатов Цинь И, просто не хотел, чтобы о нем судачили.

Главное — не связываться с Цинь И. Знакомство с ним никогда не приносило ничего хорошего.

Быстро закрыв страницу, Лю Шу открыл альбом и стал разглядывать свои фотографии в гриме. На нем был длинный халат глубокого синего цвета с черными вставками, взгляд был устремлен вдаль с печалью. Полудлинные волосы на висках были собраны на затылке и закреплены шпилькой из нанму.

«Все-таки я сам себе больше нравлюсь».

Сразу после этих слов на телефон пришло сообщение: нужно было скорее переодеться и ждать съемки. В старом дворе у подножия горы возвышался сценический помост — именно туда ему предстояло отправиться.

Закрыв телефон, он поднялся и направился вниз к сцене. Там уже были костюмеры и гримеры. Костюм еще не выдали, поэтому Лю Шу ускорил шаг, чтобы найти мастеров. Если бы его внезапно вызвали на съемку, он бы не успел, а это лишь раздражило бы людей.

Расспросив по дороге, он нашел гримеров и костюмеров. Из-за требований сюжета костюмы были сложными — это были театральные наряды, а макияж — традиционный грим женского амплуа.

Роль Лю Шу заключалась в исполнении женских партий. Грим и пение были женскими. Первый кадр в фильме: он стоит на сцене, одетый как актер, и поет, а лицо скрыто под густым слоем декоративной косметики. Ни на сцене, ни за кулисами никто не знал его истинного лица.

Это было единственное требование семьи, когда они отдавали его в труппу: просили руководителя не снимать вуаль. Причиной назвали старинные обычаи, и наставник не возражал. Лишь бы здоровье было, мог петь и двигаться, принося доход, остальное их не

волновало.

Сериал назывался «Следом за тенью». Роль Лю Шу заключалась в том, чтобы, словно тень, следовать за старшим братом. С первого дня в труппе, когда он был еще ребенком, он неотступно шел за дашионгом. Темные силы, стоящие за ним, давали задания следить за труппой, чтобы она не представляла для них угрозы. Повзрослев и осознав свою роль, он жил в постоянной тревоге, перестал заводить друзей. Но был один человек, с которым он не хотел разрывать связь, даже если это стоило жизни.

После часа в гримерном кресле и еще получаса, потраченных на надевание костюма, Лю Шу стоял в стороне, ожидая выхода. Когда режиссер назвал имя его персонажа, он вместе с группой актеров поспешил на сцену.

В тяжелом костюме Лю Шу не был уверен, что сможет выполнить выученные движения. Оглянувшись, он попытался найти кого-то, с кем мог бы размяться, но обнаружил, что здесь никто не знает тех движений, что учил он. Они не знали, как их выполнять, и это поставило его в тупик.

Тань Жун, поклявшаяся не приходить на съемки, уехала вчера. Наставник ушел, кто теперь поможет?

Стоя на сцене в замешательстве, Лю Шу сделал несколько шагов, прокручивая в голове выученные движения. Он попробовал исполнить их, и ему показалось, что всё неплохо. Но без наставника, который мог бы подсказать, правильно ли он всё делает, было сложно. Да и огромного зеркала, чтобы увидеть себя, здесь не было.

Он повторял движения снова и снова, когда к нему подошел толстый режиссер с круглым лицом и нежной кожей. Лю Шу продолжал двигаться, слушая объяснения режиссера, но вдруг тот замолчал. Лю Шу с удивлением обернулся и неожиданно получил гневный взгляд.

Лю Шу тут же застыл и присоединился к остальным, слушая режиссера. Он боялся, что тот начнет ругать его за невнимательность, и если он провалит эту небольшую часть, то не сможет взять ответственность за провал.

Когда объяснения закончились, режиссер наконец остался доволен и велел всем встать перед камерой. Лю Шу в густом гриме встал за несколькими актерами в таких же костюмах. Режиссер указал ему место в толпе и начал давать указания, что и как делать. Лю Шу следовал инструкциям, показывая движения.

Поначалу всё шло гладко, реплики произносились легко. В конце концов, он уже много лет работал в массовке и научился игнорировать камеру. Главное — смотреть в объектив, и всё будет в порядке.

Первая сцена была снята, но во второй нужно было не только петь, но и выполнять больше движений. Когда Лю Шу поднял руку и сделал шаг, собираясь взглянуть в небо, режиссер крикнул «Стоп!» и без лишних слов набросился на Лю Шу с руганью.

— Что это за движения? Ты вообще учил их раньше? Цинь И снимается с полудня, и у него уже несколько сцен готово, а ты только начал, и уже всё выглядит так странно. Ни мужчина, ни женщина. Разве тебя не учили, что женские движения должны быть более мягкими?! — гневно выкрикнул режиссер, снова бросив на Лю Шу тяжелый взгляд, после чего повернулся к остальным.

Съемки шли не очень гладко, и сцены с Лю Шу вскоре прекратили снимать. Режиссер решил снять остальные эпизоды без него, и только ближе к вечеру Лю Шу смог снять костюм и пойти поесть.

Он не осмелился взять паек съемочной группы и, как обычно, направился в храмовую столовую, но по пути встретил режиссера и Цинь И, спускавшихся с горы.

Лю Шу опустил голову и встал у обочины, пропуская их. В этот момент режиссер, который объяснял ему роль днем, остановился рядом и строго сказал:

— Если завтра снова будут ошибки, мы сообщим Чэнь Юйши о замене. Каждый должен знать свое место. Если ты высоко замахиваешься, а сделать не можешь, то даже если однажды станешь знаменитым, это будет пустая слава, не имеющая ценности в мире искусства.

Лю Шу кивнул. Он понимал это и не собирался продвигаться за счет других. Чэнь Юйши говорил, что некоторые считают его пустым сосудом — красивым, но бесполезным. Но он не хотел с этим мириться. Он не верил, что он настолько бесполезен. Просто он был ленив и ничего не хотел делать.

Даже если он не был идеальным нефритом, он не хотел быть гнилым деревом, которое нельзя резать.

— Разве не было экзамена по движениям? Не понимаю, как ты его сдал. Я так надеялся на тебя, но, похоже, лучше бы ты остался озвучивать, — с насмешкой сказал режиссер, спускаясь с горы и оставляя Лю Шу одного.

Лю Шу был крайне недоволен словами режиссера, но, услышав, что тот когда-то на него надеялся, решил, что будет учиться, чтобы заслужить уважение. После ужина он вернулся, чтобы отработать движения, и спросил Тань Жун, как лучше передать женскую грацию. Он не верил, что не сможет освоить это до утра.

Цинь И шел вместе со всеми вниз, но вдруг остановился и, не раздумывая, повернул обратно в гору.

Одна из молодых женщин спросила, куда он идет, но Цинь И, не оборачиваясь, лишь ответил, что привык к вегетарианской пище в храме и сейчас не хочет есть что-то другое.

Остальные позволили Цинь И подниматься в гору одному. Дойдя до середины пути, он ускорил шаг и вскоре догнал Лю Шу.

— Раньше ты хорошо учил движения, почему теперь всё пошло не так? — Цинь И обогнал Лю Шу и остановился перед ним, поглядывая на него сбоку. Лицо его было спокойным, лишним эмоциям не было места, настроение выглядело вполне беззаботным.

Лю Шу с безразличным видом смотрел в сторону и уверенно заявил:

— Если я приложу усилия, то смогу всё сделать до рассвета.

— Тань Жун не научила или ты не слушал?